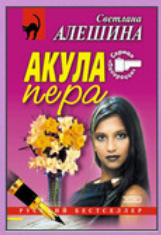
Светлана Алешина

Акула пера



Часть сборника
Акула пера (сборник)

Светлана Алешина
Акула пера
Серия «Папарацци»

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5972511
Алешина С. В. Акула пера. На деревню дедушке: Повести: Эксмо-Пресс; Москва; 2002
ISBN 5-04-009826-X

Аннотация

Ольга Бойкова, главный редактор газеты «Свидетель», решила оказать любезность своему дальнему родственнику, согласившись передать сумочку, найденную им возле сбитой машиной Татьяны Самойловой. А через несколько дней была ограблена квартира адвоката Григоровича, уехавшего на юг с семьей. Бумажку с его адресом Ольга видела в сумочке Самойловой. Казалось бы, факт ничем не примечательный, но Бойкова, привыкшая видеть во всем криминал, подозревает, что эти два происшествия, без сомнения, связаны между собой. Ольга с коллегами начинают журналистское расследование, но неожиданно жертва наезда умирает в больнице…

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 20
Глава 3 38
Конец ознакомительного фрагмента. 55

Светлана Алешина
Акула пера

Глава 1

Настроение у Кружкова было очень даже неплохое, когда на своей новенькой «Ладе» он выруливал на просторный, залитый ночными огнями проспект, намереваясь немедленно ехать домой. Даже легкие угрызения совести и страх наскочить на гаишника не могли сейчас перебороть ту эйфорию и чувство умиления, которые переполняли душу Кружкова.

Умиление было спровоцировано неожиданной встречей с бывшими сокурсниками по политеху, которых Кружков не видел уже лет восемь, а эйфория являлась следствием изрядной порции пива, с этими сокурсниками выпитого.

Столкнулись они нос к носу возле прилавка нового автомагазина, куда Кружков завернул просто так, без особой нужды – его машина бегала пока отлично и не требовала ремонта. Теперь-то Кружков догадывался, что судьба просто послала ему приятный сюрприз. Не загляни он в этот магазин, так, возможно, и еще восемь лет не увиделся бы ни с Гришкой Рогозиным, ни со Славкой Бортко. Судьба иногда подбрасывает сюрпризы, но она же и разводит нас в разные стороны – решительно и бесповоротно.

Они окончили институт в знаменательном восемьдесят пятом году, когда вся налаженная и устоявшаяся жизнь пошла наперекосяк. До этого момента будущее представлялось широкой накатанной дорогой: в кармане лежал диплом инженера; впереди ждала нескорая, но гарантированная карьера; надежное место на военном заводе, так называемом «почтовом ящике», найденное, разумеется, по блату; небольшая, но стабильная зарплата. Кружков до сих пор помнил, с каким энтузиазмом и воодушевлением отмечали они выпускной – дали, как говорится, шороху.

Но потом наступили суровые будни. В стране все перевернулось вверх дном. О стабильности и гарантиях можно было только мечтать. Каждый должен был сам позаботиться о себе, если хотел выжить. «Почтовые ящики» вдруг стали никому не нужны. Инженерам никто не хотел платить зарплату. Вчерашние выпускники – кто посмелее и поэнергичнее – ринулись в опасное море бизнеса. Что с кем сталось через десять лет – об этом Кружков даже не задумывался. Своих забот был полон рот.

Ему самому, можно сказать, повезло. После нескольких лет мытарств по случайным и непрестижным работам Кружкову удалось устроиться в одну торговую фирму. С тех пор дела его пошли на лад – можно сказать, он нашел свое место в жизни. Разобравшись в секретах торгового бизнеса, Кружков сумел вырасти в своей фирме до начальника отдела, поменял старую двухкомнатную квартиру на трехкомнатную в

престижном районе и, наконец, обзавелся машиной – о лучшей карьере и мечтать было нельзя.

О друзьях, с которыми заканчивал институт, Кружков вспоминал все реже и реже. Пути их не пересекались: у Кружкова создавалось впечатление, что все сокурсники давно покинули родной город и он остался здесь один.

Поэтому встреча в автомагазине явилась для него полной неожиданностью. Он был застигнут врасплох и оказался не способен повлиять на дальнейшие события. Всю инициативу захватил в свои руки Гришка Рогозин, балагур и весельчак. Он заматерел, прибавил лишних килограммов двадцать весу, но повадки у него остались все те же. Не позволив Кружкову даже рта раскрыть, он тут же организовал что-то вроде встречи выпускников со всеми вытекающими последствиями.

Правда, пили они только пиво, но зато его было вдоволь. Дело происходило в большом, прекрасно оборудованном гараже Рогозина, куда они отправились после магазина. Гришка, оказывается, жил в Ленинском районе, в огромном подковообразном доме, и здесь же, в пяти минутах езды, располагался его гараж, построенный в непосредственной близости от котельной – так что, кажется, от котельной и отапливался.

Кружков подозревал, что Рогозин вполне мог отсиживаться в таком гараже во время семейных конфликтов. Правда, о семейной жизни они говорили мало, все больше вспоминая

веселые студенческие деньки и товарищей, разлетевшихся по белу свету.

Они болтали, перебивая друг друга, хохоча и подогревая себя пивом. Глядя на раскрасневшиеся, неуловимо изменившиеся лица приятелей, отпуская немудреные шутки, Кружков снова на короткое время почувствовал себя студентом, молодым и полным надежд. Ему было очень весело.

Правда, отхлебывая из бутылки пенящееся пиво, хлопая по плечам друзей и предаваясь воспоминаниям, Кружков испытывал то и дело немного странное ощущение «дежа вю» – будто все это он где-то видел: запотевшие пивные бутылки, мордастых обнимающихся мужиков и белозубые улыбки. Не хватало только назидательного голоса за кадром: «Надо чаще встречаться!»

Постепенно из разговоров выяснилось, что Гришка Рогозин преуспел в этой жизни даже больше Кружкова: у него была маленькая, но своя посредническая контора. Что-то связанное с цветными металлами. Славка Бортко, имевший исключительные математические способности, был при нем кем-то вроде бухгалтера. Когда веселье достигло наивысшего градуса, Рогозин даже предложил Кружкову бросить свою фирму и переходить к нему. «Через год на «Мерседесе» ездить будешь!» – уверенно заявил он.

Кружков, несмотря на легкое опьянение и владевшие им сентиментальные чувства, повел себя осторожно, обещая подумать. В принципе, он не склонен был к авантюрам, по-

этому слова Рогозина не воспринял слишком всерьез, тем более что сам Гришка ездил отнюдь не на «Мерседесе».

Тем не менее визитную карточку приятеля он с благодарностью сунул в свой бумажник и выразил надежду, что следующий раз они встретятся не через восемь лет, а гораздо раньше.

За приятными воспоминаниями время летит необыкновенно быстро, и, когда друзья решили, что пора расставаться, на улице уже была поздняя ночь. Все трое были слегка смущены: впереди всем троим предстояло еще объясняться с женами, а ведь известно, как низко ценят жены мужскую дружбу.

Кружкова вдобавок беспокоило, как он доберется до дому. Чувствовал он себя нормально, машиной вполне мог управлять, да и движение на улицах было не то что днем, но встреча с милицейским патрулем могла закончиться весьма плачевно, и это портило Кружкову все впечатление.

«Тебя учить, что ли, надо?» – покровительственно произнес Рогозин, выслушав сетования приятеля, и небрежно сунул в его нагрудный карман хрустящую сторублевку: «Вложишь в права этот документ – и никакой инспектор не страшен! Главное, не сбей по дороге старушку и будь вежлив!» Кружков хотел было от сотни отказаться, но Рогозин настоял, давая понять, что для него это сущая мелочь, и Кружков, у которого в карманах к тому времени было пусто, оставил деньги у себя.

Потом они долго жали друг другу руки и опять хлопали друг друга по плечам, клятвенно обещая в скором времени встретиться, и наконец расстались, Рогозин запер гараж, и они с Бортко отправились по домам пешком, а Кружков с легким сердцем завел свою «Ладу» и покатил в центр города.

Жизнь на улицах замирала, даже бдительные инспектора отправились уже отдыхать, и Кружков без помех гнал машину по широкому проспекту, уверенно крутя баранку и вновь переживая в душе самые яркие моменты трогательной встречи с однокашниками. Чувствовал он себя прекрасно.

А потом начались неприятности. Сначала Кружков машинально не туда свернул. Вместо того чтобы ехать по мосту, перекинутому через железнодорожные пути, он повернул направо и поехал за вокзал, туда, где находился автомагазин – тот самый, где он встретил приятелей. Наверное, сыграл свою роль стереотип, засевший в мозгу Кружкова, – все его мысли сейчас так или иначе вертелись вокруг этого магазина, да вдобавок хмель притупил реакцию. Проехав метров двести, Кружков все-таки сообразил, что забрался не туда, но разворачиваться не стал, решив, что свернет в город дальше, миновав небольшой туннель, соединявший завокзальный район с остальным миром.

Но прежде нужно было проехать еще несколько кварталов и возле аккумуляторного завода повернуть налево, к железной дороге. Задача совсем не сложная даже для водителя, голова которого затуманена сантиментами и пивными пара-

ми. Ночные светофоры призывно мигали желтым глазом, в лучах фар ровной лентой раскручивался асфальт, и впереди не было никаких препятствий. Но тут пиво сыграло с Кружковым злую шутку. Собственно, он уже давно начал испытывать некоторое беспокойство, связанное с чрезмерным поступлением жидкости в организм, но рассчитывал дотерпеть до дома. Однако, подъезжая к заводу аккумуляторов, Кружков понял, что до теплого туалета не дотянет. Нужно было решать проблему немедленно.

Кружков был человеком культурным и даже, пожалуй, стеснительным. Справлять нужду на большой дороге, на виду у всех, его нельзя было заставить даже под пистолетом. И то, сколько свидетелей вокруг, не имело никакого значения. Знай Кружков, что за ним наблюдает хоть один человек, уже одно это заставило бы его сгорать от стыда. Поэтому он решил свернуть в какой-нибудь переулок и подыскать местечко поукромнее. Так вот и получилось, что возле завода Кружков свернул не налево, а направо и оказался на какой-то темной улочке, названия которой он даже не знал.

И здесь ему не сразу удалось остановиться – сначала навстречу попалась какая-то загулявшая компания, потом слева возник ярко освещенный двор заводской медсанчасти – и во дворе происходило какое-то движение, потом еще что-то, пока наконец Кружков не заехал в совсем темный угол, поросший густым кустарником. Асфальт здесь уже кончался, дальше улица превращалась в сплошные кочки и колдобины,

тянувшиеся в гору мимо спящих одноэтажных домов с палисадниками. Кружков, поставив машину на обочине, вылез наружу и, воровато оглядываясь, побежал в кусты.

Сделав свое дело, он воспрял духом и, облегченно вздохнув, благодушно огляделся по сторонам. Погруженная во тьму улица была тиха и пустынна. В черном небе сияли крупные звезды. Внизу слышался характерный шум железной дороги и горели огни прожекторов. Чуть в стороне светились отдельные окна в здании медсанчасти.

Неожиданно до Кружкова донесся слабый стон. Вздрогнув, он замер и настороженно прислушался. Через некоторое время стон повторился, а потом слабый женский голос пробормотал: «Помогите!»

Кожа на спине Кружкова покрылась мурашками, а хмель моментально улетучился из головы. Перепуганный не на шутку, он неуверенно шагнул в ту сторону, откуда доносился голос.

В стороне от обочины под запыленным кустом акации на земле лежала женщина. Было слишком темно, и, даже присев на корточки, Кружков не смог рассмотреть ее лица. Он только смутно различил безвольно раскинувшееся рыхлое тело и бледное пятно, пересеченное упавшей прядью волос.

«Пьяная?» – мелькнуло в голове у Кружкова, но голос женщины, звучавший слабо и жалобно, принадлежал тем не менее абсолютно трезвому человеку. «Помогите! – пробормотала она снова. – Я умираю». Кружков боязливо дотро-

нулся до теплого мягкого плеча и почему-то шепотом спросил:

– Что с вами случилось?

Неожиданно он почувствовал, что пальцы его стали мокрыми и липкими. Он поднес ладонь почти к самым глазам и увидел, что она испачкана чем-то темным. Ему сделалось нехорошо.

Неуклюже обтирая ладонь о траву, Кружков попятился назад – как и сидел, на корточках. Только споткнувшись о камень и едва не упав, он сообразил подняться на ноги и опрометью бросился к машине. Дрожащими руками он завел мотор и развернул «Ладу» так, чтобы свет фар падал прямо на то место, где лежала женщина. Потом, открыв предусмотрительно дверь, Кружков опять приблизился к пострадавшей.

Теперь он мог рассмотреть ее как следует. Женщина лежала на правом боку, неестественно прогнувшись и бессильно уткнувшись лицом в траву. Ее лицо, руки и ноги, едва прикрытые задравшейся юбкой, были испачканы кровью. Бледное лицо было искажено страданием, и трудно было сказать, сколько женщине лет, – но, судя по расплывшейся фигуре и морщинам на шее, она была не первой молодости. Рядом валялась сумочка на длинном ремешке.

Кружков опять наклонился к раненой и попытался узнать, что произошло. С огромным трудом женщина проговорила сквозь зубы: «Машина…» – и закрыла глаза. Кружков растерялся. Он лихорадочно начал припоминать, что следует

делать в подобных случаях. В голову ничего не приходило, кроме элементарной мысли, что женщину нужно срочно доставить в больницу. Однако от волнения Кружков никак не мог вспомнить, где находится ближайшая больница.

Наконец он решил, что вспомнит это по дороге, а пока нужно погрузить женщину в машину. Сумочка под ногами мешала ему, и Кружков отнес ее в машину и бросил на переднее сиденье.

Потом он попытался поднять пострадавшую, ухватив ее под мышки, но женщина отреагировала таким воплем боли, что Кружков сразу же отказался от своих намерений, тем более что сразу понял – такую тяжесть ему в одиночку не осилить.

Ему показалось, что женщина умирает. На самом деле она просто потеряла сознание, но Кружков об этом не догадывался и пришел в ужас. Он впервые в жизни так близко сталкивался со смертью, и ему сделалось страшно и жутко.

Он вскочил на ноги и начал панически озираться, надеясь увидеть где-нибудь хоть одну живую душу, которая могла бы поддержать его в эту трудную минуту. Но глухая улочка будто вымерла, а железная дорога и вокзал, где сейчас было полно народу, находились слишком далеко.

Неожиданно взгляд Кружкова упал на освещенный фонарями двор медсанчасти. Хлопнув себя по лбу, Кружков уничтожающе прошептал: «Идиот!» – и опять бросился к женщине.

Наклонившись над ней, но стараясь не всматриваться в страшноватые черты, Кружков наскоро проговорил: «Я сейчас! Я мигом! Потерпите еще чуть-чуть!» – проговорив это не столько для женщины, сколько для собственного успокоения, – и побежал к машине.

Прыгнув за руль, он развернулся и покатил вниз, пока не доехал до ворот медсанчасти. При этом он не переставал удивляться собственной тупости: больница была под самым его носом, а он об этом начисто забыл! С него бы сталось отвезти раненую на другой конец города, сумей он затащить ее на заднее сиденье!

Ворота больницы были закрыты, и Кружкову пришлось покинуть машину. Он вошел в калитку и бегом пересек гулкий пустынный двор. Найдя дверь с табличкой «Приемный покой», Кружков позвонил.

Ему долго не отпирали, и он начал уже нервничать, беспокойно оглядываясь на темневшие в отдалении заросли кустарника, за которыми лежала нуждающаяся в помощи женщина. Кружкову казалось, что он даже слышит ее стоны. Наконец загремели засовы, послышалось сердитое бормотание, и дверь распахнулась. Кружков увидел перед собой миловидную, но слегка заспанную девушку в белом халате. Наспех надетая белая шапочка сидела на ее пышных каштановых волосах чуть криво. Девушка смотрела на Кружкова сердито, но безо всякого страха.

– Вам чего, мужчина? – спросила она.

Кружков сбивчиво и не слишком понятно обрисовал ситуацию. Девушка закатила глаза к небу и сказала со вздохом:

– Господи, только этого еще не хватало! Дорожно-транспортное!.. Ну, давайте, где у вас больная?

– Женщина там, на дороге… – хмуро повторил Кружков. – Мне ее одному не поднять… И вообще, там, наверное, носилки нужны!

Теперь, когда ему было с кем разделить ответственность, он приободрился и даже начал сердиться на непонятливую медсестру, или кто она там.

– Носилки! – опять закатила глаза девушка. – И кто же будет таскать эти носилки – я, что ли? Ну ладно, проходите, объясните все Николаю Григорьевичу, пусть он решает…

Она повела Кружкова какими-то полутемными коридорами и вдруг, потянув носом, неодобрительно заметила:

– Вы, мужчина, выпивши, что ли? Наверное, это вы ее и сбили?

Вот тут уж Кружков испугался по-настоящему. До него наконец дошло, в какую двусмысленную ситуацию он попал. Ему смутно припомнилось, что дорожно-транспортное происшествие требует непременного присутствия милиции, и здесь уж при таком скоплении народа сотней не отделаться. Вполне можно остаться без прав, если не чего-нибудь похуже. Невольно Кружков посмотрел на свои руки – они были испачканы засохшей кровью.

– Что вы такое говорите? – испуганно запротестовал он. –

Никого я не сбивал! С чего вы взяли?

Девушка не ответила и ввела Кружкова в небольшую освещенную комнату, где стояли письменный стол, несколько стульев и жесткая кушетка, покрытая белой простыней. За столом сидел крупный широкоплечий мужчина в белом халате, надетом, кажется, прямо на голое тело. Видны были мощная волосатая грудь и могучие руки, тоже покрытые до локтей густыми курчавыми волосами. Вероятно, это был дежурный врач.

Он курил и равнодушно разглядывал вошедших. На его усталом грубоватом лице не отражалось абсолютно никаких эмоций.

– Николай Григорьевич! – бойко отрапортовала девушка. – Вот этот мужчина сбил где-то тут женщину. Что будем делать?

Врач вынул изо рта сигарету и внушительно произнес:

– Женщине, безусловно, будем оказывать помощь. Мужчину передадим властям… Где пострадавшая?

– Послушайте! – волнуясь, заговорил Кружков. – Никого я не сбивал! Я ехал мимо, остановился… В общем, я тут ни при чем, понимаете? А женщина лежит на дороге, там, где я ее нашел, ее как-то нужно сюда доставить. Одному мне не справиться. У вас есть санитарная машина?

– Ночью у нас нет санитарной машины, – заявил врач. – Мы не «Скорая». Но ведь у вас есть, кажется, машина?

Кружков молча кивнул. Врач тоже кивнул, раздавил в пе-

пельнице окурок и распорядился:

– Анечка, золотко, разбуди Аллу Петровну и скажи, пусть готовит операционную! А ты открой нам ворота, каталочку и, пожалуй, позвони ноль-два… Хотя нет, сначала посмотрим, что там такое… – Он посмотрел на Кружкова и строго сказал: – Ну что, пойдемте?

– Да, конечно, – пробормотал Кружков, настроение которого становилось с каждой минутой все хуже.

Все дальнейшее вспоминалось ему точно в тумане. На машине они доехали с врачом до места происшествия, перенесли женщину на заднее сиденье и вернулись обратно. Ворота были уже открыты, и они беспрепятственно доехали до приемного отделения, где женщину положили на каталку и куда-то увезли.

Кружков испытывал огромное желание удрать, но врожденная порядочность не позволила ему этого сделать, да и окончательно проснувшаяся Аня взяла его в оборот. Усадив Кружкова на покрытой простыней кушетке, она устроила ему настоящий допрос, потому что ей нужно было заполнить паспортную часть истории болезни.

Кружков ничего о сбитой женщине не знал, а о дамской сумочке, которая валялась где-то в машине, начисто забыл, поэтому допрос был настоящим мучением для обоих. Николай Григорьевич больше не показывался, зато неожиданно приехала милиция, и тут Кружкову пришлось уже совсем туго.

Он так неуверенно и неубедительно объяснял причины, приведшие его ночью в этот район города, что ему самому сделалось противно. Работник ГИБДД, снимавший показания, то и дело сокрушенно покачивал головой. Когда же проба на алкоголь, взятая у Кружкова, показала положительный результат, он понял, что его дела совсем плохи.

Неизвестно, чем бы все кончилось, если бы милиционеры не решили дождаться врача. Даже поверхностный осмотр кружковской «Лады» не убедил их. Хотя на капоте машины не обнаружилось никаких подозрительных следов, стражи порядка стали разговаривать с Кружковым все суше и даже намекали, что ночевать дома ему уже не придется.

А потом случилось то, что измученный Кружков принял сгоряча за чудо. Появился усталый после операции Николай Григорьевич и, равнодушно поздоровавшись с представителями закона, расположился в жестком кресле со стаканом крепкого чая в одной руке и с сигаретой – в другой.

– Перелом левой бедренной кости, – ни к кому не обращаясь, сообщил он. – Перелом правого запястья, вывих правого плечевого сустава… Плюс три-четыре ребра. Естественно, множественные ссадины и ушибы… Сотрясение головного мозга… Перед операцией потерпевшая мне сказала, что ее сбил грузовик… Наверное, это вас интересует, правда? А поскольку вишневая «Лада» товарища, – тут он сделал плавный жест сигаретой в сторону Кружкова, – на грузовик явно не тянет, он здесь, скорее всего, ни при чем…

Кружков тут же преисполнился к этому суровому человеку огромной признательностью, ему захотелось броситься на волосатую грудь и расцеловать ее владельца. Но милиция отнеслась к заявлению врача без энтузиазма.

– Это мы еще выясним, – пообещал старший лейтенант, который был, очевидно, за главного, – кто при чем… А как состояние пострадавшей? Она… будет жить?

– Полагаю, что да, – веско ответил Николай Григорьевич. – Конечно, возраст… шок… Но характер повреждений позволяет надеяться на благополучный исход. Хотя лечение займет довольно продолжительный период времени…

– Ну что ж, лечите, доктор! – разрешил старший лейтенант, поднимаясь. – А мы, пожалуй, пойдем. Нужно еще взглянуть на место происшествия. Вот гражданин Кружков нас проводит… Если, конечно, он в состоянии… – милиционер скептически оглядел понурую фигуру Кружкова.

– Я в состоянии! – угрюмо сообщил Кружков, у которого, и правда, кроме запаха никаких последствий от пирушки уже не сохранилось.

– Тогда вперед! – распорядился старлей.

Глава 2

– И что же было дальше? – сочувственно спросила я у Кружкова.

Его исповедь я слушала в редакции у себя в кабинете. В окно светило утреннее солнце, и его лучи падали Кружкову на лицо, отчего он болезненно щурился, но упорно не желал пересесть на другое место.

Выглядел Кружков неважно – был он весь серый и какой-то помятый. Вокруг глаз темнели круги. Вряд ли пиво было тому причиной, просто он всю ночь не спал, нервничал да, как я подозреваю, имел крупный разговор со своей супругой.

Людмилу Кружкову я знала с детских лет, она доводилась мне дальней родственницей, и характер у нее был почти нордический. Она не прощала мужу даже небольших ошибок – представляю, что творилось, когда Людмила узнала о ночных приключениях супруга. Мне стало жалко Кружкова почти до слез.

– А что дальше? – уныло сказал он. – Ну, посмотрели они там… Ничего не нашли, естественно… Отобрали у меня права, а машину отогнали на штрафную площадку… Хорошо еще, старлей сжалился, подбросил меня до дома… Ну а что Людмила вытворяла – наверное, сама догадываешься… – он безнадежно махнул рукой.

Я догадывалась. Только мне никак не удавалось понять, зачем Кружков явился ко мне, вместо того чтобы идти на работу.

– На работу я позвонил, – сказал Кружков, словно угадав мои мысли. – Сказал, что заболел… Не говорить же, что всю ночь объяснялся с милицией!

– И все-таки, Никита, – осторожно начала я. – Никак я не пойму, почему ты решил все это мне выложить?.. Конечно, мы не чужие, и я тебе от души сочувствую, но, думаю, заявился ты неспроста, верно ведь? Надеешься, что я помогу тебе вернуть права?

– Ну что ты, Ольга! – испугался Кружков. – Я никогда бы не стал обращаться к тебе с подобной просьбой! Я же знаю, что с милицией у тебя отношения сложные.

Здесь он был абсолютно прав: газета «Свидетель», главным редактором которой я работаю, публикует материалы исключительно криминального характера. А где преступления, там и сыщики – иногда даже совсем наоборот. Поэтому «сложные отношения» – это еще мягко сказано. Отдельные представители закона меня терпеть не могут.

– Тогда что? – поинтересовалась я. – Может, ты стесняешься забрать машину со штрафной площадки?

– Да нет, уже забрал, – признался Кружков. – Я на ней все утро езжу. Правда, без прав, но что делать?..

– Ты с ума сошел, Никита! – укоризненно сказала я. – Мало тебе неприятностей!

– Нет, неприятностей хоть отбавляй! Людка рычит, как тигрица, за машину пришлось выложить кругленькую сумму, за права придется заплатить раз в десять больше, а мы недавно только диван новый купили, представляешь?

– Представляю, – сказала я. – Мягкий? Нужно будет как-нибудь заскочить к вам, посидеть на новом диване…

– Ага, заскакивай! – радостно подхватил Кружков. – Может, прямо сегодня заглянешь? Людку повидаешь…

– А-а, так ты меня в качестве громоотвода планируешь! – догадалась я.

– Да ты что! – замахал руками Кружков. – И в мыслях не было! Я от чистого сердца… Тем более что главная гроза уже разразилась, теперь так, отдаленные раскаты… Нет, у меня к тебе другая просьба…

– Любопытно, – заметила я. – Может, ты хочешь, чтобы я поместила в газете материал о ночном наезде? Но тогда придется предать гласности не вполне корректное твое поведение… Хотя, в итоге, ты совершил поступок безусловно благородный, не спорю.

– Ольга! – простонал Кружков. – Ты издеваешься, что ли? Какой благородный поступок? Какая газета? Вот где у меня сидит этот благородный поступок! – Он постучал ребром ладони по шее. – Гори он синим пламенем!

– Тогда я вообще ничего не понимаю! – недоуменно сказала я. – Чего же ты хочешь?

Взгляд Кружкова сделался заискивающим.

– Понимаешь, у меня к тебе ма-а-аленькая просьба! – просюсюкал он. – Малюсенькая! Ты можешь вернуть этой женщине ее сумочку?

– Какой женщине? – не сразу поняла я. – Какую сумочку?

– Ну этой, которая в больнице! – сказал Кружков. – Помнишь, я нашел рядом с ней сумочку? Помнишь? Ну вот, а я забыл – начисто! От испуга, наверное. Она под сиденье завалилась. Так и пролежала там всю ночь. Сегодня утром нашел, когда кровь в салоне оттирал.

– Вот здрасьте! – возмутилась я. – Ты нашел, а я возвращай! С какой стати?

– Ну, понимаешь… – замялся Кружков. – Не могу я больше их видеть… Ни ментов этих, ни врачей, никого, в общем. Стресс у меня, понимаешь? Кино есть такое – «На грани безумия» называется… Вот и я сейчас на этой грани. А ты женщина волевая, авторитетная – что тебе стоит?

– У меня, Никита, между прочим, свои дела есть, – напомнила я. – И потом, подумай, как я глупо буду выглядеть с этой сумкой! А если там что-то пропало? Меня спросят: где взяла, и что я скажу?

– Так и скажешь, что я тебе передал, – льстиво произнес Кружков. – Да ничего там не пропало, не бойся! Деньги на месте, документы, барахло все. Отдашь ее хозяйке… – Он отвел глаза в сторону и добавил: – А если она, не дай бог, померла – в милицию отнесешь.

– Еще лучше! – рассердилась я. – Ты пиво пил, а у меня

похмелье? Ты представляешь, что ты говоришь? Не пойду я ни в какую милицию! У этой женщины наверняка есть родственники – нужно разыскать их и передать сумку. Только разбирайся с этим сам, пожалуйста. Мне некогда. А у тебя не стресс, голубчик, а элементарное безволие! Боишься, что тебе опять неприятные вопросы начнут задавать.

– Ну и боюсь! – согласился Кружков. – Тем более что я уже сегодня пытался вернуть сумку.

Я вопросительно на него уставилась.

– Ну да! – подтвердил Кружков. – Машину я забрал со стоянки рано утром. Потом поехал в гараж, мыть салон. Нашел сумку. Все вспомнил и решил сразу вернуть. Посмотрел в паспорте адрес и поехал туда. Думал, хозяйка не одна живет. Ан нет! Соседи сказали – одинокая.

– Одинокая – не одинокая, – вмешалась я, – какие-то родственники у нее должны быть.

– Возможно, – сказал Кружков. – Только соседи не знают. Говорят, замкнутый она человек. Ни к ней никто, ни она…

– Ничего себе – замкнутый, – заметила я. – Куда же она, замкнутая, в ночь поперлась? Да еще за вокзал, на гору! Туда и днем-то никто без нужды не ходит!

– Это все верно, – сказал Кружков. – Только по этому поводу у меня никаких сведений не было. Поэтому я дальше поехал по тому адресу, что в сумочке у нее нашел.

– Ты нашел у нее какой-то адрес? – удивилась я.

– Ага, – кивнул Кружков. – На листке бумаги. В кармашке

лежал. Я его наизусть выучил: улица Леонова, дом семьдесят семь, квартира двадцать четыре.

– А фамилия? – спросила я.

– Какая фамилия?

– Ну, при адресе обычно присутствует фамилия, – сказала я.

– Не было никакой фамилии, – возразил Кружков. – То есть фамилия была – на почтовом ящике, в том доме на Леонова, я специально посмотрел. Григорович А. Л. Правда, в квартире никого не было, пришлось к соседям позвонить. Я думал, может, на работе этого Григоровича разыщу. Но оказалось, что эти Григоровичи рано утром на юг подались всей семьей. Вот такие дела.

– Остается вернуть сумочку хозяйке лично, – заключила я.

Кружков посмотрел на меня с надеждой. Я решительно замотала головой.

– Ну, Оленька! – взмолился Кружков. – Ну что тебе стоит! У тебя и права есть, и характер, авторитет… Заскочишь на минутку в больницу, и все дела! Ну, я тебя умоляю!

Я посмотрела в его тоскующие глаза и махнула рукой.

– Ладно, уговорил! Трус несчастный! Оставляй свою сумочку. Но, предупреждаю, если у меня возникнут с ней проблемы, я тебя найду!

Лицо Кружкова просияло. Он живо наклонился и поднял с пола стоявший там кейс. Положив его на колени, Кружков

весело щелкнул замками и откинул крышку.

– Вот она. Все на месте – тютелька в тютельку! – заботливо объяснил он. – Я и бумажку с адресом обратно в кармашек сунул. Тебе ее только отдать из рук в руки – и все дела. Может, еще вознаграждение получишь! – с довольной улыбкой пошутил он.

– Гора с плеч? – ехидно спросила я.

Кружков покорно развел руками. Он действительно немного устал от неприятностей.

Выпроводив его, я занялась сумочкой. Вообще-то шарить в чужих вещах неприлично, но должна же я была знать, как зовут их хозяйку. Потрошить все сверху донизу я не собиралась.

Сумочка была довольно симпатичной, но порядком истрепанной. Сработанная где-то в далекой Турции, в полукустарной мастерской, она была сшита из тонкой непрочной кожи, которая мигом протирается на сгибах. Такая продукция быстро теряет товарный вид и вынуждает купившего ее горько пожалеть о выброшенных деньгах. Единственным утешением остается то, что это сравнительно небольшие деньги.

Я расстегнула застежку-»молнию» и произвела беглый осмотр содержимого. Ничего особенного: кошелек, помада, расческа, зеркальце – все как обычно. В кармашке позвякивали ключи от квартиры. Если бы у Кружкова хватило духу, он мог бы запросто оставить сумочку в квартире хозяйки.

Он на это не решился и поступил, разумеется, совершенно правильно.

Отдельно лежал паспорт в упругой пластиковой обложке, на которой был вытеснен пышный имперский орел с двумя головами. Уголки у пластиковой обложки были отделаны тусклым желтым металлом.

Я раскрыла паспорт – он был старого образца, еще советский. Владелица, похоже, не торопилась его менять. Наверное, ей уже некуда было спешить – судя по дате рождения, женщине оставалось три года до пенсии.

С фотографии на меня смотрело сосредоточенное некрасивое лицо, слишком широкое и слишком скуластое для женщины. Короткие стриженые, выкрашенные до черноты волосы не делали это лицо симпатичным – скорее, наоборот. Но особенно неприятны были глаза – маленькие, подозрительные, слишком близко посаженные. Даже с фотографии они выглядывали так въедливо, что заставляли невольно поеживаться.

Мне подумалось, что хозяйка паспорта – из тех женщин, что с удовольствием затевают скандалы в общественном транспорте и на рынках, всегда и всюду доказывая свою правоту. Ничего удивительного, что она живет одна. Такие женщины обычно быстро отправляют мужа на погост – и хорошо, если только одного. Я начинала понимать нерешительность Кружкова.

Конечно, было немного стыдно так думать о женщине,

которая сейчас, возможно, испытывала невыносимые муки, тем более что все это могло оказаться лишь плодом моей буйной фантазии, а незнакомка на самом деле является образцом женственности, душевным и безобидным существом.

Чтобы отвлечься от неудачной фотографии, я пролистала паспорт. Женщину звали Татьяной Михайловной, фамилия ее была Самойлова. Судя по документу, замужем она не была. Жила на улице Садовой, в доме номер двадцать четыре. Я мысленно представила, где этот дом находится, и невольно опять удивилась, что заставило Татьяну Михайловну тащиться ночью через весь город, да еще не в самый благополучный район.

Кружков упоминал о том, что в сумочке были какие-то деньги. Я не удержалась от любопытства и проверила кошелек. Деньги действительно имелись, но совсем небольшие – чуть больше пятидесяти рублей. Хотя, если бы речь шла об ограблении, забрали бы и их.

Сложив все вещи обратно, я закрыла сумочку и стала решать, что делать дальше. Мне совсем не хотелось начинать день с посещения больницы, но, зная свой характер, я понимала, что откладывать это посещение не имеет смысла, тем более что Кружкова я уже обнадежила. Лучше было разделаться с этим раз и навсегда.

В столе нашелся пустой пакет, я завернула в него чужую сумку и вышла из кабинета. В приемной моя секретарша Ма-

рина сосредоточенно трудилась за компьютером. По утробным электронным звукам, даже не глядя на экран, можно было догадаться, что речь идет об очередной компьютерной игре. Что поделаешь – лето, мертвый сезон. Даже криминалитет расслабляется на фоне летней жары, не желая поставлять свежий материал для нашей газеты.

– Мариночка, я убываю по личному делу, – сообщила я. – Вернусь в самом обозримом будущем. Если появятся посетители или громкие сенсации, пусть ждут.

– Принято к сведению! – отрапортовала Маринка и, крутанувшись на вращающемся кресле, с любопытством уставилась на меня. – Личные дела – это для женщины самое главное. А они какие личные? Очень личные или просто личные? – Подтекст вопроса был мне понятен. Очень личные дела были слабым местом Маринки. Она пришла к нам в редакцию совсем молоденькой и наивной выпускницей романо-германского отделения филфака с возвышенными и несколько книжными представлениями о любви и личной жизни. С тех пор утекло довольно много воды. Маринка превратилась в эффектную молодую женщину, чей опыт обогатился бесчисленными романами, по большей части неудачными. Причиной были все те же мечты о возвышенном, которые в Маринкином случае трансформировались в поиски идеального мужчины. Проблема эта стара как мир и неразрешима, как строительство вечного двигателя, но Маринка не отчаивалась и продолжала свои поиски.

Между нами установились по-настоящему дружеские отношения, и мы постоянно делились друг с другом подробностями личной жизни, хотя следует откровенно признать, с некоторых пор мне стало казаться, что на фоне Маринки у меня вовсе нет никакой личной жизни. Порой я чувствовала себя рядом с ней настоящей монашкой. Поэтому и сейчас мне ничего не оставалось, как признаться, что эти личные дела претендуют на звание таковых с большой натяжкой.

Маринка была заметно разочарована.

– Я-то думала, что здесь замешан мужчина! – с неудовольствием заметила она. – Так бы и сказала – просто дела.

– Мужчина здесь замешан безусловно, – возразила я. – Ты его только что видела. Но не в том смысле, который ты подразумеваешь. Он просто заварил небольшую кашу, которую вежливо попросил за него расхлебать. Поскольку он в некотором роде доводится мне родственником, пришлось любезно согласиться.

– Какая-то некрасивая история? – деловито осведомилась Маринка. – Речь идет о супружеской неверности?

– Скорее о наезде, – сказала я. – История действительно некрасивая, но к моему родственнику имеющая лишь косвенное отношение. В общем, я уезжаю, но ненадолго, – с этими словами я покинула редакцию.

Летнее утро уже было в самом разгаре. Я вела свою «Ладу» по залитым солнцем улицам и думала о чем угодно, только не о несчастной Татьяне Михайловне. Вдоль тротуаров

на деревьях зеленела сочная листва, сверкали витрины магазинов, девушки в легких платьицах ели на ходу мороженое, проносились разноцветные автомобили – в общем, жизнь била ключом. Хотелось мечтать о золотых пляжах, лазурных водах, о личной жизни, наконец.

Доехав до района вокзала, я через туннель пересекла линию железной дороги и свернула к заводу аккумуляторов. Огибая территорию завода, я невольно улыбнулась, вспомнив, как накануне ночью мучился здесь Никита. Наверное, ему не понравилась бы моя улыбка, но что делать – мне тоже не очень нравилось поручение, которое он на меня повесил.

Ворота медсанчасти были открыты, и я без помех доехала до главного входа. Возле широкого крыльца несколько человек в синих рабочих халатах грузили в санитарный фургон туго набитые клеенчатые мешки – похоже, это было грязное белье.

Я заперла машину и, прихватив с собой пакет, вошла в прохладный пустой вестибюль. За деревянным барьером торчали рядами ничем не заполненные вешалки для одежды. Пожилая нянечка со шваброй в руках неторопливо мыла мраморный пол. Никакой охраны поблизости не наблюдалось.

Пройдя через вестибюль, я прямо за дверью обнаружила окошечко регистратуры и поинтересовалась, как мне найти пациентку Самойлову, пострадавшую ночью в автокатастрофе. Меня отправили в травматологическое отделение, объ-

яснив, как найти туда дорогу.

В отделении тоже никаких сложностей не возникло. Первым мне попался высокий молодой человек в белом халате. У него были уверенные движения и приятная улыбка. На мой вопрос, можно ли увидеть Самойлову, он весело ответил:

– Невозможного для нас ничего нет! Конечно, мы увидим с вами Самойлову! Тем более что именно я – ее лечащий врач. Позвольте представиться: Александр Михайлович! Но вы можете звать меня запросто Сашей. Как вас больше устраивает?

– Ну, с врачами я предпочитаю держаться официально, – смеясь, ответила я. – Поэтому выбираю Александра Михайловича. А что, Самойлова чувствует себя нормально?

– Вполне! – заверил меня жизнерадостный врач. – Настолько нормально, насколько это определение вообще применимо к человеку, попавшему под машину. А вы – родственница Самойловой?

– Откровенно говоря, нет, – сказала я. – Даже не знакомая. Просто меня попросили кое-что ей передать. Это возможно?

– Я же сказал – ничего невозможного для нас нет! – воскликнул Александр Михайлович. – Пойдемте, я вас провожу, а то персонал может вас развернуть без халата…

– А это ничего, что без халата? – забеспокоилась я.

– Беру грех на душу! – весело сказал врач.

Он повел меня в конец длинного белого коридора, ожив-

ленно болтая на ходу.

– Вы сегодня не первая, кто интересуется Самойловой, – сообщил он. – Уже побывали из милиции, и с работы коллеги заглядывали… Между прочим, милиция на этот раз не ударила в грязь лицом! Того бедолагу, что сбил нашу пациентку, уже нашли. Хотя, строго говоря, сделать это было совсем не трудно. Им оказался шофер с третьей автобазы… забыл фамилию! Ну, это не важно! Бедняга принял вчера на грудь, показалось мало – недолго думая, сел за руль и поехал за добавкой. Он тут рядом живет… Однако переоценил свои силы: после Самойловой он проехал всего ничего и где-то у железной дороги въехал в столб. После чего спокойно заснул прямо в кабине. Утром он, естественно, ничего не мог вспомнить, но милиционер говорил, что его вина будет доказана несомненно: на капоте обнаружены следы крови… Прошу вас, вот в эту дверь!

Мы вошли в просторную светлую палату. Возле стены стояла железная кровать с какими-то диковинными приспособлениями и противовесами. На кровати лежала фигура, отдаленно напоминающая женскую, вся в бинтах и гипсе. Левая нога ее и правая рука находились на вытяжении и щетинились стальными иглами. Лицо тоже было наполовину забинтовано, но один глаз – живой и испуганный – внимательно наблюдал за происходящим, давая понять, что женщина находится если не в полном здравии, то уж по крайней мере в ясном сознании.

– Вот, Татьяна Михайловна, опять привел к вам гостя! – провозгласил врач, подходя к изголовью и кладя руку на спинку кровати. – Вы, наверное, сегодня уже устали от гостей?

– Устала! – чистосердечно призналась больная. В голосе ее отчетливо слышалось раздражение. – А это кто ж такая? Что-то не могу припомнить. Из милиции, что ли? – Черный глаз с тревогой уставился на меня.

– Думаю, что не из милиции, – успокоил ее Александр Михайлович. – Кстати, а вы ведь так и не сказали, как вас зовут, – с мягким упреком обратился он ко мне. – А мне, между прочим, это тоже интересно!

– Ольга Юрьевна Бойкова, – представилась я. – Но это неважно. Я, собственно, тут случайно. Меня просили передать вам сумочку, Татьяна Михайловна! Человек, который нашел, и вот… – Я развернула пакет и, достав сумку, вопросительно взглянула на врача. – Куда ее можно положить?

Он не успел ответить. Здоровая рука Татьяны Михайловны взметнулась над одеялом и буквально вырвала у меня сумочку. Мне показалось, что лицо женщины в этот момент резко побледнело. Я слегка испугалась.

– Вам нехорошо? – спросила я участливо.

– Чего уж хорошего, – дрожащими губами пробормотала Самойлова, – когда твои вещи таскает кто ни попадя!

Александр Михайлович выразительно посмотрел на меня и еле заметно покачал головой, давая понять, что бурная ре-

акция пациентки его удивляет.

– Да вы не беспокойтесь, – рассудительно заметила я. – Ничего не пропало. Можете хоть сейчас проверить!

– И вообще, давайте проверим содержимое сумочки и определим ее в камеру хранения, – предложил Александр Михайлович. – Или передадим ее кому-нибудь из родственников…

– Нет у меня никаких родственников! – враждебно заявила Самойлова. – А какие есть – я им рубля не доверю! А сумочка пускай при мне полежит! У меня здесь своя тумбочка положена? Вот пускай там и находится!

Александр Михайлович развел руками.

– Вообще-то тумбочка для другого предназначена, – заметил он. – Ну да бог с ним! Только, чур, к нам никаких претензий, Татьяна Михайловна! Мы вас лечим, но вещи ваши охранять некому, понимаете?

– Сама сохраню, – упрямо заявила больная. – А мне еще долго лежать, доктор?

– Я уже говорил: травма серьезная, – скучным голосом сказал Александр Михайлович. – Загадывать не берусь, но на два месяца настраивайтесь железно!

Самойлова разочарованно пожевала губами, и ее единственный глаз подозрительно сверкнул в мою сторону. Она все-таки не утерпела и спросила:

– Ты, девушка, этого человека хорошо знаешь, который в сумочке-то шарил?

Подтекст вопроса был ясен. Татьяне Михайловне очень хотелось знать, заглядывала ли я в эту проклятую сумку, – просто она стеснялась спросить об этом напрямую. Меня все это начинало уже раздражать, но злиться на больного человека было глупо и некрасиво. Поэтому я как можно спокойнее сказала:

– Никто в вашей сумочке не шарил, ни я, ни тот человек. Между прочим, если бы не он, кто знает, что с вами бы сталось… И зачем ему ваша сумочка – он человек положительный, зарабатывает хорошо…

– Те, которые зарабатывают, они до денег особенно жадные, – глубокомысленно заметила Самойлова, но тут же спохватилась: – Я не про того товарища, конечно, а вообще… Ему-то моя глубокая благодарность! Как и доктору, который операцию производил. Ночью тут другой доктор был – серьезный мужчина…

Это уже был, кажется, камешек в огород Александра Михайловича. Но он, ничуть не смутившись, сказал:

– Это верно, Николай Григорьевич у нас – ас! Вам, Татьяна Михайловна, повезло!

– Как утопленнику! – саркастически отозвалась больная.

– Не преувеличивайте, не преувеличивайте, Татьяна Михайловна! – сказал, посмеиваясь, доктор и, как бы невзначай подхватив меня под руку, повел к выходу.

Самойлова смотрела нам вслед колючим глазом, прижимая к одеялу свою драгоценную сумочку.

В коридоре Александр Михайлович с большой неохотой отпустил мою руку и, показав глазами на дверь палаты, с улыбкой заметил:

– Ничего себе экземпляр, да? Сейчас это еще цветочки… Представляю, что будет, когда она пойдет на поправку! Заметили, какой у нее взгляд? Одним глазом за два смотрит! Будем надеяться, что из ее торбы ничего не пропало, а то она нас всех со света сживет.

– Вполне возможно, – серьезно заметила я. – Поэтому я немедленно удаляюсь. Всего хорошего! Было очень приятно познакомиться.

Александр Михайлович посмотрел на меня с сожалением и сказал:

– Заходите еще! Как говорится, милости просим! Может быть, захотите еще что-нибудь передать гражданке Самойловой…

– Спасибо! – засмеялась я. – Как говорится в известном фильме, уж лучше вы к нам! Меня сюда больше калачом не заманишь!

И я ушла из больницы в полной уверенности, что теперь не появлюсь здесь по крайней мере в ближайшие лет десять. Вообще-то на интуицию я не жалуюсь, но в этот раз она явно не сработала. И десяти дней не прошло, как мне опять пришлось заглянуть к Александру Михайловичу.

Глава 3

В большом городе преступления совершаются ежедневно. Дня не проходит, чтобы кого-нибудь не ограбили, не избили, не угнали пяток машин, на худой конец, не расколотили бы зеркальную витрину в модном магазине. Я не говорю уже о карманных кражах в трамваях и на продуктовых рынках – это происходит постоянно.

На одном перечислении милицейских сводок можно набрать целую газетную полосу. Но если вы думаете, что газета «Свидетель» идет именно по такому пути, то вы глубоко ошибаетесь. Нашу газету интересуют не те заурядные… преступления, которые совершаются на каждом шагу по известной схеме: «украл – выпил – в тюрьму», а настоящие сенсации, способные держать читателя в напряжении то время, которое проходит от выхода одного номера газеты до другого. Сами понимаете, на события подобного рода существует определенный дефицит, а именно от них зависит тираж и репутация газеты. Поэтому приходится лезть из кожи, пытаясь разнюхать какой-нибудь сногсшибательный материал, а когда это не удается, вся редакция приходит в уныние – газету заполнять нечем, читатель отворачивается, тиражи падают. Впору хоть самой выходить на большую дорогу.

Нечто подобное происходило и в те дни, которые последовали за нелепым происшествием, случившимся с мужем мо-

ей дальней родственницы. Озабоченная выпуском очередного номера газеты, я уже почти забыла о нем, как вдруг Кружков сам позвонил мне на работу.

– Привет! – сказал он. – Как поживаешь? У тебя еще не пропало желание посидеть на нашем новом диване?

– Привет! – ответила я. – Честно говоря, мне сейчас не до дивана. И поживаю я не то чтобы очень – вся в работе. А ты, судя по голосу, чувствуешь себя отлично?

Кружков довольно усмехнулся в трубку.

– Ну, вообще-то, отлично – это чересчур! Но уже гораздо лучше. Правда, Людка все еще ворчит, но в основном все уладилось. Права я забрал, так что все в порядке. Вспоминаю ту ночь как страшный сон… Кстати, я что звоню? Ты вернула сумочку этой недотепе?

– Нет, я оставила ее себе! – язвительно заметила я. – Дурацкий вопрос! Разумеется, я ее вернула.

– Ну, слава богу! – с облегчением сказал Кружков. – А то эта позиция не давала мне покоя… Теперь можно считать, все расставлено по своим местам… Надеюсь, дамочка тебя отблагодарила?

– Как бы не так! – возразила я. – Она явно была уверена, что я собиралась ее обчистить. Вырвала сумочку у меня из рук и даже спасибо не сказала.

– Вот она, людская неблагодарность! – скорбно произнес Кружков. – Делай после этого добрые дела! Я, кстати, справлялся в милиции – говорят, типа, совершившего наезд на-

шли уже на следующий день.

– Я знаю. Только, скорее, он сам нашелся, – ответила я.

– Ну, это неважно, – беззаботно сказал Кружков. – Главное, что преступник не остался безнаказанным… А вообще, беда беду тянет.

– Ты о себе? – спросила я.

– Нет, я опять об этой, – сказал Кружков. – Как ее – Самойлова, что ли? Помнишь тот адрес, который я нашел у нее в сумочке?

– Смутно, – призналась я. – А что такое с этим адресом?

– Ну, как не помнишь? – обиделся Кружков. – Я туда еще утром мотался – без прав, между прочим! Улица Леонова, там еще некий Григорович значился – на почтовом ящике… Ну вспомнила?

– Да что ты пристал? – возмутилась я. – Зачем я буду помнить каких-то Григоровичей?

– Не каких-то, – назидательно произнес Кружков. – Между прочим, этот Григорович Арнольд Львович – довольно известный в городе адвокат. Удивляюсь, как я сразу не сообразил!

– Да, я слышала про такого, – подтвердила я. – Встречаться, правда, не приходилось. А что такое?

– Ограбили этого Григоровича! – захлебываясь, объявил Кружков. – Представляешь?

– Неужели? – сдержанно удивилась я. – Но, мне кажется, ты вроде говорил, будто Григорович уехал с семьей отдыхать

на юг? Его на юге ограбили?

– Квартиру его ограбили! – воскликнул Кружков. – Ту самую – улица Леонова, дом семьдесят семь, квартира двадцать четыре. Он – на юг, а воры – в квартиру. Видишь, как оно бывает? Сначала его знакомую или родственницу – черт ее знает – сбивает машина, а потом его самого грабят! Вот я и говорю: пришла беда, отворяй ворота!

– А ты откуда об этом знаешь? – с некоторой ревностью спросила я.

– Да уж не из твоей газеты! – поддел меня Кружков, но тут же старательно растолковал: – На работе мужики говорили… Один там у нас хорошо этого Григоровича знает, вот он и рассказывал. Пощипали его, говорят, знатно! Сама понимаешь, адвокаты – народ небедный…

– Когда же это случилось? – поинтересовалась я.

– Два дня назад. Григорович уже, говорят, вернулся с югов, теперь рвет волосы на голове. Хотя, кажется, он лысый…

– Да, печальная история! – констатировала я. – Только с чего ты взял, что Григорович и Самойлова родственники? По-моему, это твоя фантазия. С чего бы она стала таскать с собой адрес родственника? Я, например, твой адрес помню назубок.

– А может, у нее склероз, – беззаботно заметил Кружков. – Да я так просто, к слову. Наверное, у нее к нему дело было, а он на юг уехал. Вот она с горя под машину и бросилась.

– Ты уже совсем заврался! – сказала я сердито. – Между прочим, рабочий день в разгаре.

– А у меня начальник уехал, – объяснил Кружков. – Так я не понял, ты к нам заглянешь?

– Как-нибудь загляну, – пообещала я. – Вот посвободней буду и загляну обязательно.

– Ну, будем ждать! – сказал Кружков. – Будь здорова!

Он повесил трубку. Невольно в моей памяти опять возникла сцена в больничной палате: вся переломанная Татьяна Михайловна с неожиданной прытью вырывает у меня из рук сумочку. Что-то смущало меня в этой сцене. Как-то подурацки она выглядела. Человек, можно сказать, только выскользнул из лап смерти, а трясется из-за грошового имущества.

Хотя это как посмотреть. Мне рассуждать легко, а, может быть, для Самойловой и пятьдесят рублей большие деньги. Ну, и паспорт, конечно. Потерять паспорт – удовольствие ниже среднего. И все-таки Татьяна Михайловна могла бы держать себя поделикатнее с человеком, который совершил благородный поступок.

Но, с другой стороны, она даже не удосужилась проверить, все ли вещи на месте. Только настойчиво интересовалась, не рылись ли в ее сумочке. Если она такая мнительная, что могло значить для нее мое слово?

«В общем, странная женщина», – заключила я. Есть в ней что-то неприятное, даже отталкивающее. Обычно больные

вызывают к себе сочувствие, а здесь ничего даже похожего – одна неловкость.

Собственно говоря, мне не было решительно никакого дела до Татьяны Михайловны, но странным образом я никак не могла выбросить ее из головы. Я снова и снова вспоминала ее голос, въедливый цепкий взгляд и одутловатую руку, сжимающую старенькую сумку, точно это было бесценное сокровище.

Наверное, сработала привычка искать повсюду следы преступления. Эта привычка с годами въелась в мои плоть и кровь, так что я уже почти свыклась с ней, почти не замечая. То же самое, вероятно, испытывают следователи и оперативники, которым постоянно приходится сталкиваться с темной стороной человеческой натуры.

Вот и мне почему-то казалось, что в лице Татьяны Михайловны я столкнулась с чем-то темным, а может быть, даже опасным. Никакой логики в этом не было, я просто так чувствовала.

Конечно, Татьяна Михайловна была жертвой, но вокруг нее словно клубилось какое-то тревожное облако – наезд грузовика, ночная прогулка на другой конец города, адрес адвоката в сумочке, ограбление этого самого адвоката…

Чем больше я обо всем этом думала, тем сильнее разбирало меня любопытство. И я ничего не могла с собой поделать – мне зачем-то во что бы то ни стало захотелось получить ответ на все эти вопросы: какое дело у Татьяны Михайлов-

ны к известному адвокату, куда она шла поздней ночью, и точно ли виноват тот несчастный пьяница, отправившийся в роковой час за добавкой?

Возможно, все эти вопросы были притянуты за уши и все объяснялось самым банальным образом, но я поняла, что мне не будет покоя, пока я не разузнаю все подробнейшим образом. А если тут действительно кроется какая-то загадка, то можно будет прикинуть, нельзя ли извлечь из нее пользу для нашей газеты.

Прежде всего я решила навестить Григоровича – он каким-то образом был связан с Татьяной Михайловной и вдобавок пострадал от грабителей. В каком-то смысле готовый материал для криминальной хроники.

Предупредив Марину, что уезжаю на неопределенное время, я села в машину и покатила на улицу Леонова. Я вовсе не была уверена, что мне удастся пообщаться с Григоровичем. Многих адвокатов в городе я знала, но именно с Григоровичем не встречалась ни разу. И момент, надо признать, был не самый располагающий к общению с папарацци. Меня могли попросту выставить за дверь. Что ж, таков профессиональный риск.

Адвокат жил в новом девятиэтажном доме, на первом этаже которого размещался косметический салон. Я поднялась на лифте до четвертого этажа и позвонила в дверь двадцать четвертой квартиры.

Открыли мне не сразу, и у меня было время рассмотреть

дверь. Она была сделана из стального листа, с отделкой под дерево. Никаких следов взлома я не заметила. Правда, дверь могли уже отремонтировать.

Наконец щелкнул замок, и на пороге появился представительный мужчина лет пятидесяти пяти, в щеголеватом малиновом пиджаке и наглаженных черных брюках. У него было холеное, гладко выбритое лицо с крупным носом и высоким лбом, плавно переходящим в сверкающую лысину. Галстука на мужчине не было, зато на шее был повязан платок – на мой взгляд, с целью скрыть морщины.

Держался мужчина уверенно, по-хозяйски, но его серые навыкате глаза смотрели на меня подозрительно и настороженно.

– Арнольд Львович? – спросила я.

Мужчина наклонил голову и сухо сказал:

– К вашим услугам. Что вам угодно?

– Ольга Юрьевна Бойкова, – представилась я. – Газета «Свидетель». Мне хотелось бы с вами побеседовать.

На лице Григоровича появилось оскорбленное выражение.

– Помилуйте! – вскричал он. – Побеседовать! Только этого мне сейчас и не хватало! Что за странные фантазии? Неужели нельзя хотя бы на минуточку оставить человека в покое?!

– Простите, – сдержанно сказала я. – Понимаю, что вам сейчас не до меня. Но что поделаешь – такая уж профес-

сия! О журналистах вспоминают, только когда захочется почитать газету.

– Между прочим, я не читаю газет! – ядовито сообщил Григорович. – И, будь моя воля, я запретил бы их категорически и бесповоротно! Можете обижаться на меня, уважаемая, но я бы именно так и сделал! Помойная яма – вот что такое ваши газеты!

– Чем же мы вам так насолили? – поинтересовалась я.

– Да при чем тут я! – возмутился Григорович. – Я не читаю газет – ни при каких обстоятельствах! Но от вас страдает общество! Вы ежедневно выливаете на него такой ушат грязи…

– Скажите, а вы так агрессивно настроены только по отношению к газетам или вас не удовлетворяют средства информации в целом? – деловито спросила я.

Адвокат нервно поправил шейный платок.

– Вы имеете в виду телевидение? – мрачно спросил он. – Ну, это вообще за пределами здравого смысла. Если нашей цивилизации суждено погибнуть, то именно телевидение будет тому виной!

– Простите, но вот лично вы откуда-то же черпаете информацию? – сказала я. – Как вам удается обходиться без средств массовой информации?

Григорович посмотрел на меня с превосходством.

– Существует целый ряд специальных изданий, бюллетеней, – назидательно пояснил он. – В конце концов, конфи-

денциальные источники…

– Согласитесь, широкие массы не имеют доступа к конфиденциальным источникам, – заметила я. – Но они тоже имеют право на информацию.

– Лучше бы они его не имели! – проворчал адвокат. – Эти постоянные дискуссии о правах только дезориентируют общество и вносят в него элемент иррациональности.

– Странно это слышать от человека, который является в некотором роде защитником этих прав, – сказала я.

– Господи, о чем вы говорите! – воскликнул Григорович, всплескивая руками. – Вообще, вам не кажется странной эта дискуссия на пороге?

– Так пригласите меня в дом! – резонно возразила я.

Адвокат впился в меня озадаченным взглядом, будто только что увидел.

– М-да? Ну что ж, заходите, пожалуй… – произнес он с сомнением. – Но, учтите, я ничего вам не обещаю! Никакого вторжения в личную жизнь! Все, что я могу вам позволить, – это выслушать мое мнение относительно прессы. Если это вас устраивает – милости прошу! Приготовить вам кофе? – последнюю фразу он произнес безо всякого перехода, старомодно-учтивым тоном, отчего она приобрела несколько комический оттенок.

– Нет, спасибо! – сказала я, проходя в квартиру. – С меня достаточно того, что вы согласились продолжить диалог.

– Что? – растерялся Григорович. – Ах, вы имеете в виду…

Но тут вы ошибаетесь, уверяю вас!.. Проходите, пожалуйста, сюда, – он ввел меня в просторную уютную гостиную. – Присаживайтесь! Нет-нет, никакого диалога не будет! Просто, питая естественную слабость к хорошеньким женщинам, я не мог вас вот так просто выставить за порог. Но удовлетворить ваше профессиональное любопытство я не намерен, прошу меня извинить!

Пока он говорил, я рассматривала комнату. Откровенно говоря, никаких следов ограбления я тут не заметила. Дорогая мебель стояла на своих местах, и вообще кругом царил идеальный порядок.

– Если вы не хотите со мной беседовать, все-таки гуманнее было бы не приглашать меня в дом, – с улыбкой заметила я. – Правда, я сама напросилась. Но это уж, как вы справедливо изволили выразиться, профессиональное любопытство. Вы – адвокат, я – папарацци. Это, так сказать, суровая реальность. Но, между прочим, вы зря меня боитесь. Наша газета живет сенсациями, а не скандалами.

– А-а! – Григорович пренебрежительно махнул рукой. – Слова! Все это лишь вопрос терминологии. Лично я не вижу тут большой разницы.

– Мы стараемся щадить чувства людей, о которых пишем, – пояснила я.

– Другое дело, насколько хорошо это вам удается! – язвительно заметил адвокат.

– Пока особых неприятностей у нас не было, – сказала я

скромно.

– Будут! Если вы собираетесь написать обо мне, неприятности обязательно будут! – пообещал Григорович.

– А если я дам обещание не упоминать в публикации вашего имени, вы согласитесь ответить на мои вопросы? – спросила я.

Григорович недоверчиво уставился на меня.

– А зачем вам это нужно? – подозрительно поинтересовался он. – Это, выходит, вы намерены удовлетворить уже не профессиональное, а личное любопытство!

– Эти два момента уже давно слились воедино, – сказала я. – Уже и сама не понимаю, где кончается профессиональное, а где начинается личное…

– Я смотрю на эти вещи иначе, – заявил адвокат. – Но допустим, я пойду вам навстречу. Какая гарантия, что моя откровенность не повредит мне самому?

– Вопросы будут самые невинные, – заверила я. – Никаких секретов раскрывать вам не придется.

– Странное дело, – пробормотал Григорович. – Ну что ж, давайте попробуем.

– Извините, если первый вопрос покажется вам глупым, – сказала я. – Но у меня складывается впечатление, что вы не слишком пострадали от грабителей…

Григорович закатил глаза к потолку.

– Ольга Юрьевна, дорогая! – простонал он. – Вы сами-то понимаете, что вы сейчас сказали? Как можно не слишком

пострадать от грабителей? Да сам факт проникновения в ваше жилище является тягчайшим стрессом! Вторглись в святая святых, сняли с вас панцирь – это ли не шок! Я до сих пор не могу прийти в себя!

– Я вас понимаю, – сочувственно заметила я. – Но имелся в виду материальный аспект…

Григорович неодобрительно прищурился.

– Вы хотите сказать, что из дому не вынесли кресла, телевизор и рояль остался на месте? – ехидно сказал он. – Да, если смотреть на дело с этих позиций, мне неслыханно повезло… Но в моем доме орудовал профессионал! Брал только золото, валюту и камешки – все то, что можно унести в карманах. Уверяю вас, зарабатывал я неплохо, и у меня есть чем поживиться и помимо перечисленного, но вор, навестивший меня, обладает холодным рассудком и поразительным чутьем – настоящий артист!

– Насколько я понимаю, он добрался до каких-то тайников? – спросила я.

– Вот именно! – воскликнул Григорович. – Без шума, аккуратно все вычислил и выкрал! Сейф и все остальное…

– Но почему же вы, уезжая на долгое время, не поставили квартиру на сигнализацию? – удивилась я.

Григорович развел руками.

– Видите ли, наверное, я все-таки слишком старомодный человек, – признался он. – И потом, понадеялся на секретные замки, на соседей. Короче, проявил непростительное

легкомыслие…

– О том, каковы размеры похищенного, не спрашиваю, – сказала я. – Но что говорит милиция? У них есть какая-нибудь зацепка?

Адвокат скептически улыбнулся.

– Если меня что-то и раздражает больше, чем наши газеты, – провозгласил он, – так это наша милиция! Право, об этой структуре не стоит говорить всерьез. Уверен, они будут последними, кто узнает имя грабителя!

– Ну, вы, наверное, все преувеличиваете, – возразила я. – Пожалуй, именно милиция располагает теми возможностями, которые позволяют раскрывать квартирные кражи. Сеть осведомителей, например…

– Не смешите меня! – отмахнулся адвокат. – Разумеется, я написал заявление, но думаю, что на моих денежках можно поставить крест. Если даже вора найдут, похищенное уже расплывется. Во всяком случае, большая его часть. Вы это знаете не хуже меня.

– И все-таки не стоит отчаиваться, – произнесла я стандартную формулу утешения. – Наверняка уже приняты какие-то меры.

– Разумеется! Милиция пишет бумаги! – саркастически ответил Григорович. – Я сам подписал не меньше десятка протоколов. А что толку? Вы знаете, что только за последние месяцы при схожих обстоятельствах было ограблено шесть квартир? Хозяева уезжали, а воры спокойно обчищали осво-

божденную площадь. И сколько, вы полагаете, таких преступлений было раскрыто? Ни одного! У милиции стандартный ответ: ставьте квартиру на сигнализацию! Но ведь это тоже не слишком дешевое удовольствие, и какая гарантия, что вор не сумеет нейтрализовать эту сигнализацию? Сейчас развелось столько умельцев…

– А многие ли знали, что вы собираетесь уезжать? – спросила я.

– Да масса народу! – с чувством произнес адвокат. – Я далек от мысли подозревать кого-либо, но, разумеется, мой отъезд не являлся ни для кого тайной. Но ведь, понимаете, я езжу отдыхать каждый год, и всегда как-то обходилось!

– Воздерживаюсь от комментариев, – вздохнула я. – Так вы говорите, в последнее время ограбили многих таких отдыхающих?

– Вот именно! И не только отдыхающих, – сказал Григорович. – Например, человек убывает в длительную командировку… Грабители-профессионалы ведь постоянно собирают информацию. Не удивлюсь, если у них существует что-то вроде разведывательного отдела.

– Лично я не слишком верю в организаторские способности наших преступников, – заметила я. – Но, безусловно, вор охотился за информацией. А что – ограбили ваших знакомых?

– Нет, об этих ограблениях мне сказал следователь, – ответил Григорович. – Наверное, хотел меня утешить. Почерк,

говорит, сходный. Так что не я один пострадал от этого мерзавца…

– А у вас имеются соображения насчет того, кто бы мог навести на вашу квартиру? – спросила я. – Может быть, старый недоброжелатель?

– Когда поживешь с мое, – улыбнулся адвокат, – таких недоброжелателей наберется полгорода. Выбрать кого-то одного слишком сложно.

Мы немного помолчали, а потом я все-таки решила спросить у Григоровича о его отношениях с гражданкой Самойловой. Адвокат наморщил лоб, припоминая, и отрицательно покачал головой.

– Не знаю такую, – сказал он. – Ни разу не слышал. А почему вы решили, что я должен быть с ней знаком?

– Она носила в сумочке листок с вашим адресом, – объяснила я. – Может быть, ваша клиентка?

– У меня нет никаких клиентов! – сердито сказал Григорович. – Я давно уже не практикую, только числюсь консультантом при городской коллегии адвокатов. И уж точно не принимаю никого частным порядком.

– Странно, – заметила я. – Если у вас нет клиентов, откуда и зачем у этой женщины ваш адрес?

Григорович с беспокойством посмотрел на меня.

– Постойте! Значит, получается… А где вы вообще выкопали эту Самойлову?

– Случайность, – сказала я. – Эта женщина попала под

машину примерно неделю назад. А мой знакомый отправил ее в больницу. Ну и заглянул в сумочку. Он даже заходил к вам домой, полагая, что вы являетесь родственником этой женщины. Но вы были уже в отъезде.

– Нет у меня таких родственников! – отрезал Григорович. – Так вы говорите, эта женщина попала в больницу?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.